

THE MOTIF OF "DUPLICITY" AS A PLOT AND COMPOSITIONAL RECEPTION IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL "THE AVIATOR"

Sariyev R. R.

Lecturer at the Department of Russian Language and Literature
National Pedagogical University of Uzbekistan named after Nizami

Abstract

the article analyzes the novel "The Aviator" by the modern Russian writer E.G. Vodolazkin. The functional significance of the theme of flight, the system of doubles, as well as the space of the game is studied in detail.

Keywords: E. Vodolazkin, "The Aviator", literary process, modern Russian literature.

Introduction

МОТИВ "ДВОЙНИЧЕСТВА" КАК СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ ПРИЕМ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

Сариев Р. Р.

Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Национального педагогического университета
Узбекистана имени Низами

Аннотация:

в статье проводится анализ романа «Авиатор» современного русского писателя Е.Г. Водолазкина. Подробно исследуется функциональное значение темы полета, системы двойников, а также пространства игры.

Ключевые слова: Е.Водолазкин, «Авиатор», литературный процесс, современная русская литература.

Действие романа «Авиатор» (2016) сфокусировано на истории Иннокентия Платонова, которого в 1930-х годах более чем на шестьдесят лет заморозили в ходе эксперимента в Соловецком лагере. Вернувшись к жизни в 1999 году, герой пытается адаптироваться к новой для него социокультурной реальности, а также восстановить повредившуюся память. И заглавие романа, и эпиграф (который отсылает к финалу произведения и вместе с тем замыкает композиционное кольцо) указывают на то, что тема полета здесь имеет первостепенное значение. Авиатор в данном контексте – это не стилистически возвышенный синоним летчика, не обозначение профессии, но определение творческой личности, чей обзор (духовный потенциал) достаточно широк [Водолазкин 2017: 409].

В основе художественного метода Водолазкина диалогичность: темы, идеи, мотивы, образы, а иногда и фрагменты текста находят свое развитие в последующих произведениях. Имеет место следующая «переключка» – в романе «Лавр» Христофор напутствует Арсения: «Будь сам этой птицей (харадром), Арсение» [Водолазкин 2015: 31]; в «Авиаторе» эхо слов старого травника продолжает звучать, и мы видим ответ Иннокентия Платонова: «Меня завораживало само слово – авиатор. Его звучание соединяло в себе красоту полета и рев мотора, свободу и мощь. <...> авиатор – это большая красивая птица. Такой птицей хотел быть и я» [Водолазкин 2017: 92].

Особого внимания заслуживают два эпизода-воспоминания. В первом описываются Комендантский аэродром и самолет, который никак не может оторваться от земли. Во втором – взлет аэроплана с плохо выкошенного поля в Сиверской: «Набирая разбег, авиатор объезжал выбоины, подпрыгивал на кочках и внезапно – о, радость! – оказался в воздухе» [Водолазкин 2017: 345]. Главный герой, реконструируя не только исторический пласт, но и свою личность по таким воспоминаниям, задается вопросом: «На какой же все-таки кочке я споткнулся? Почему не взлетел? Что погубило мои способности к живописи?» [Водолазкин 2017: 346]. Как мы узнаем из дальнейшего повествования, Иннокентий из мести убил соседа – доносчика Зарецкого. Это событие становится поворотным в жизни Платонова, и после убийства герой, словно удерживаемый гравитацией греха, утрачивает творческие силы, т.е. больше не способен быть «авиатором». Водолазкин, как и Пушкин в «Моцарте и Сальери», задается вопросом о совместимости гения и злодейства. И, по мысли автора, злодейство – не важно из каких побуждений оно было совершено – противоречит самой идее творческого вознесения.

Лейтмотивом романа является стихотворение А. Блока «Авиатор» («Летун отпущен на свободу», 1910–1912), описывающее гибель авиатора во время представления. В Блоковском понимании полет – это не только подвиг, победа человека над земным притяжением, но и полноценный творческий акт. Самолет сравнивается с музыкальным инструментом: «Его винты поют, как струны <...> Пропеллер продолжает петь» [Блок 1997: 20]. Авиатор – это Икар двадцатого столетия, личность, которая в творческом порыве стремится к трагиче-ской высоте, чтобы преодолеть материальное, «придавленное к земле». «Авиатор» Блока созвучен стихотворению Ш. Бодлера «Жалобы Икара» (*Les Plaintes d' un Icare*, пер. Эллиса), об этом свидетельствует не только идейно-тематическое единство, но также и абсолютное рифмическое совпадение:

В объятиях любви продажной Жизнь беззаботна и легка, А я – безумный и отважный – Вновь обнимаю облака. [Бодлер 1970: 130]

Десятая строфа «Авиатора» имеет следующий вид: Зачем ты в небе был, отважный, В свой первый и последний раз? Чтоб львице светской и продажной Поднять к тебе фиалки глаз? [Блок 1997: 21]

В финальной строфе стихотворения Блока авиатору-музыканту (творцу) противопоставлен разрушительный двойник, ночной летун, несущий динамит и сеющий смерть, который является символом грядущих войн и социальной энтропии. Очевидно, что в романе Водолазкина таким двойником Платонова выступает кузен главного героя

Сева, ставший сотрудником ГПУ – НКВД. Обратим внимание на способы конструирования образа «ложного» авиатора. В детстве Иннокентий и его двоюродный брат Сева на берегу Финского залива запускали воздушного змея и представляли себя пилотами. Важная деталь, на которую обращает внимание Иннокентий, – раздражающий «странный птичий тембр» Севы: «Севин тонкий голос (таким он у него и остался) разносится по всему пролетаемому нами населенному пункту. Иногда он смешивается с криками чаек и становится почти от них неотличим» [Водолазкин 2017: 25]. Вероятно, Сева, как и его брат, мечтает о полете, но ему не хватает какой-то внутренней силы, и вместо качеств «птицы – авиатора» ему достается лишь чайный голосок. В играх Сева – второй пилот, бежит, держась за нитку, позади Иннокентия, в то время как тот управляет змеем. Попытки Севы стать командиром экипажа в большинстве случаев заканчиваются «авиакатастрофами». Эта игра в романе имеет важное символическое значение. Во-первых, игра констатирует характерологические особенности героев: Севе для «полета» не хватает внутренних ресурсов, и поэтому он вынужден опираться на силу извне, до поры до времени такой силой является Иннокентий, а после – большевистская партия. После вступления в партию начинается взлет Севы, правда, не духовный, а карьерный – в органах государственной безопасности (полет стремительный, но не долгий, обрывающийся в 1937 г.). Во-вторых, игра показывает, что когда у руля оказываются неспособные властолюбцы, происходит катастрофа. И «крушение» воздушного змея в условиях игрового пространства – это предвосхищение будущих катастроф XX столетия. В этом смысле примечательна последняя встреча «начальника» Севы и з/к Платонова на Кемском пересылочно-распределительном пункте Соловецкого лагеря: «Я и Сева, два авиатора. На море, еще более северном, чем тогда. Только теперь он – ведущий, все нити в его руках» [Водолазкин 2017: 259–260].

Вместе с тем, образ Севы глубже и вместе с тем трагичнее, чем может показаться на первый взгляд. Здесь прослеживается библейское начало – притча о Каине и Авеле. Сева и Иннокентий – как чаши весов, которые постоянно находятся в движении, и возвышение одного из героев подразумевает жертву со стороны другого. Об этом свидетельствует эпизод похорон авиатора Фролова – чтобы хоть как-то разглядеть траурную процессию на Невском проспекте, Иннокентий забирается на плечи двоюродного брата (эта сцена вновь репрезентирует пространство игры, однако главный герой нарушает внутриигровой принцип «ты мне – я тебе»). Любопытно и то, что в общем-то слабый Сева становится той «силой», которая отправляет Платонова в тринадцатую роту – одно из самых жестоких мест Соловецкого лагеря [Киселев-Громов 1936: 102–106]. То есть без «придавленного к земле» Каина-Севы не случилось бы лагерного мученичества, искупления, временного полета через XX век и духовного возрождения Иннокентия. Именно в штраф изоляторе, расположенном в бывшем храме Вознесения Господня, где раньше был маяк, во время пыток Иннокентий вновь ощущает полет: «Там сейчас нет ни светильника, ни стекол. Только ветер, самый сильный ветер, который на вершине холма. <...> Ты отдаешься на волю этого ветра, он залечит твои раны, он понесет тебя в правильном направлении. И ты летишь» [Водолазкин 2017: 202–203].

Сева не единственно возможный двойник главного героя. В таком качестве также выступают случайный знакомый Иннокентия Скворцов и чекист Воронин. Эти «непохожие птицы» для героя являются «братьями» по времени. Скворцов возникает в повествовании как случайно вспорхнувшее воспоминание, чтобы произнести довольно пафосную фразу и тем самым задать темпоральную систему координат: «Мы – ровесники века, Иннокентий, а стало быть, за него в ответе» [Водолазкин 2017: 46]. И если со Скворцовым Платонова связывает время рождения – 1900 год, то связь с антагонистом Ворониным сложнее и противоречивее.

С одной стороны, Платонов и Воронин – последние свидетели и хранители ушедшего времени, которые видели и помнят одни и те же события. Платонов говорит, что они как Робинзон и Пятница – последние представители своего времени на необитаемом острове новой жизни. С другой стороны, Платонов отмечает нечто большее, даже выходящее за рамки двойничества: «Может быть, оставшись в моей памяти, Воронин стал частью меня, и я ненавижу его в себе?» [Водолазкин 2017: 189]. Это важная «улика», позволяющая связать интригу детективную – внешнесобытийную (кто убил доносчика Зарецкого) с интригой энигматической, связанной с преодолением духовного кризиса [Гримова 2017: 54–55]. Совершенные убийства (пусть и с разными мотивами) делают героев соучастниками и в еще большей степени обособливают их от окружающего мира (оппозиция характеров «Платонов–Воронин» генетически восходит к схеме «Раскольников–Свидригайлов»).

Таким образом, в романе «Авиатор» широко представлена система двойников. Спутники героя – Сева, с его чайным тембром, Скворцов, чекист Воронин – являются «ложными» авиаторами, невзлетевшими птицами. Водолазкин следует традиции Ф.М. Достоевского: главная идея романа – возрождение человека (полет) возможно только после раскаяния.

Литература

1. Водолазкин Е.Г. Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017.
2. Блок А.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 3. М.: Наука, 1997.
3. Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Наука, 1970.
4. Водолазкин Е.Г. Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015.
5. Гримова О.А. Особенности функционирования нарративных интриг в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 48–58.
6. Киселёв-Громов Н.И. «Лагери смерти в СССР». Великая братская могила жертв коммунистического террора. Шанхай: Книгоиздательство Н.П. Малиновского, 1936.

